

Он заснул, свернувшись клубочком. Помещение для хранения вещей вообще нельзя считать комфортным; тем не менее, его лицо наполовину уткнулось в дрянную подушку, тело вяло лежало на полу, в позе как у трупа. Если бы он был в полубессознательном состоянии, он, возможно, поднял бы шум из-за того, что спал в таких антисанитарных условиях, но, к лучшему или худшему, он мертв для мира. Здесь нет другого освещения, кроме лампы в углу.

Комната такая же, как и в первый день - пыльная, грязная, небрежно заваленная ящиками для хранения вещей. Молодой человек не стал открывать консервы. Один взгляд, и становится ясно, что он три дня не ел.

«Ной».

Шепот в ухе пробуждает сон, он хмурится, подсознательно зарывшись глубже в подушку. Он так необъяснимо сонлив, что ему требуется всего одна секунда, чтобы снова нокаутировать. Тем не менее, кто бы ни вторгся в комнату, а также в его личное пространство по ассоциации, он намеревается разбудить его.

Его плечи трясут.

«Ной».

Он по-прежнему не отвечает, но голос становится более настойчивым.

«Я вынесу тебя, если ты не ответишь».

Он вообще не замечает, кто говорит, но чувствует, как холодная рука скользит по его лбу, чтобы проверить температуру. Ощущение приятное. Где-то посреди дня или ночи - время не подтверждено - у него поднялась температура. Его горло пересохло, голова затуманилась, а дыхание стало необычно горячим. Он подсознательно мычит, прижимаясь носом к единственному источнику прохлады, приближая его к своему телу.

Рука ненадолго останавливается, а затем начинает медленно гладить его по волосам. Ной принимает его охотно, даже наклонив голову, чтобы получить больший доступ. Слышен тихий смешок, за которым следует тихий шепот: «Ты можешь быть таким послушным?», Но, как бы он ни был возбужден и ошеломлен, он не знает и не заботится о том, кто его трогает. Боковая часть его мозга говорит ему, что это один из детей - Юй Инь, вероятно, имеет тенденцию прыгать на него по утрам.

Прикосновение становится щекотливым, когда оно скользит к его затылку, затем опускается к его ушам, а затем к затылку.

«... Мн», - тихо бормочет он невнятно, - «Инь Инь... еще нет...»

Он немного вздрагивает, когда чувствует, что те же руки скользят вниз, непреднамеренно нарушая, опасно близко к чувствительному месту между его шеей и плечом - его запаховой железе - и теперь он знает, что этот человек вовсе не Юй Инь. Во-первых, рука слишком большая и грубая, с мозолями и всем остальным, а во-вторых, судя по тому, как его тело инстинктивно реагирует, его природа жаждет, но сопротивляется прикосновениям, Ной теперь полностью настороже и готов пролить кровь в случае необходимости.

Его глаза распахиваются, и, ну, он не ожидал Юй Инь, но он также не ожидал, что рядом с ним будет сидеть какой-то человек с дерьмовой ухмылкой на лице. Что еще хуже, мужчина сейчас дергает его за ухо, вероятно, только для того, чтобы беспокоить его.

«Имя неправильное, не так ли?» полковник говорит по-китайски. «Если ты хочешь позвать меня по одному, это будет «Ян, Ян», хотя я предпочитаю «Жун, Жун » или «Жун-ге», если ты скажешь это мило».

Первой его реакцией было попытаться сломать этому человеку шею - за исключением того, что, побывав там и сделав это, он усвоил урок в тот первый раз. Вместо этого он отталкивает руку Ян Жун и поднимает воротник своей рубашки. Он почти ничего не делает, хотя, по крайней мере, дает некоторый душевный комфорт.

«Полковник Ян, - сразу приходит в себя он, - я бы предпочел не видеть твое лицо первым делом».

"Грубо." Мужчина щелкает языком. «Думать, что ты можешь быть таким ручным во сне».

Ной предпочитает игнорировать комментарий. Он чувствует себя... жарко, но не из-за лихорадки. Это чувство он испытывал нечасто, но он осознает интуитивно. Жар покалывает его кожу, неопишуемый зуд пробирается по всему телу. Его тело блестит от пота, и от того, что здесь Ян Жун, становится только хуже, запах этого человека слабый, но красноречивый. Ной потирает затылок, не обращая внимания на место, которого коснулся полковник.

«Выходи», - говорит Ян Жун, наконец вставая, устанавливая между ними столь необходимое расстояние. "Обед готов."

Ной медленно выдыхает, подавляя зуд в организме. Он нервный, это очевидно, судя по тому, как он не смотрит в глаза, как продолжает потирать шею. «... Моего рюкзака действительно нет?»

Ян Жун приподнимает бровь. «Это не так. Было ли в нем что-нибудь важное? "

«... Забудь об этом», - отвечает он, прежде чем тоже встать. «Ничего подобного».

«Убедительно», - отвечает другой мужчина, обращая внимание на его лицо. Ян Жун некоторое

время изучает его, прежде чем сказать: «Если ты плохо себя чувствуешь, дай мне знать, и я дам тебе обезболивающие. Кроме того, ты можешь подлатать себя аптечками в комнате снабжения. Другая кладовая напротив туалета. Это для экстренного случая.»

«Я чувствую себя ужасно», - говорит он. «Ты, должно быть, сломал мне ребра».

«Они уже были сломаны». Ян Жун ухмыляется ему и добавляет: «Хочешь поговорить еще, маленький заключенный? Думаю, мы вполне можем поладить».

Он не должен был говорить это - полковнику придется узнать позже, - потому что Ной очень непокорный и, когда его приставят, будет упрямым до своего слова. Молодой человек сразу же прекращает говорить и первым выскакивает за дверь, минуя общественное пространство и устремляясь к ванной.

На самом деле удивительно, насколько хорошо он приспосабливается к этой совершенно чужой среде. Он так быстро запомнил план этажа, что уже может передвигаться, как будто это вторая натура. Достаточно одного взгляда на план у двери, и он тоже был детализирован, в отличие от маленького ветхого убежища, в котором он жил в течение года. Две большие комнаты, одна для столовой и одна общая, пять плюс складские площади, кладовая, генератор, воздушный шлюз, аварийные выходы, скрытая область, которая ведет к оружейной - он предполагает, исходя из небольшого разрыва в размерах, - затем есть спальные помещения и душевая.

Конечно, для буржуа это может быть некачественно, но удобно и несложно, как и должно быть военное убежище. Ною удастся избежать абсолютно всех на базе и он оказывается в ванне. Помещение довольно большое, с тремя стойлами, но он забирает их целиком и запирает за собой дверь.

Его первая реакция была, ну, ну, недовольной.

Грязь и пыль прилипают к стенам, полу, между трещинами и щелями вентиляционных отверстий и практически в каждом углу, на который он смотрит. Ной, полный приверженцев чистоты, должен мысленно убедить себя раздеться и попасть внутрь. Даже носить одежду на спине, пропитанную потом, - более привлекательный вариант, чем прикасаться к грязным стенам ванной. Каким-то образом он справляется с тошнотой.

Он осторожно снимает повязки со своего тела. Марля выходит немного красной. Из насадки для душа течет горячая вода, а последние остатки крови стекают в канализацию. Ной не торопится намыливаться, избегая травм от тромба - подсознание благодарит за то, что, по крайней мере, в этом месте есть мыло, очень теплый прием и удивление, учитывая, насколько грязно это место.

Военный душ обычно не из приятных, но укрытие достаточно просторное, чтобы не отключать тепло автоматически через несколько минут. Ной совершенно не заботится об экономии воды. Он остается там пятнадцать минут, затем еще пятнадцать, обматывая плечо стерильным

пластырем, который он ловко взял из кладовой. Он также осторожно вытирает лоб ватным диском, стараясь обработать его как можно более аккуратно, чтобы избежать любых шансов заражения.

Он тоже поправляется медленно, сначала с нижним бельем, которое он также для удобства взял из верхнего ящика, затем с парой простых брюк и еще более простым и круглым вырезом - он заранее позаботился о том, чтобы ничего не было надето. Жилье неплохое. Он позволил себе вольности как заключенный и помог себе с туалетными принадлежностями.

Пар из душа затуманивает половинное зеркало у раковины. Он смотрит на свое туманное отражение, чистит зубы, и догадывается, почему они так сильно его заподозрили. Его внешность не самая обычная - если бы не его двухцветные глаза, то были бы его серебристые волосы. Он убирает мокрые пряди со лба и думает, что нужно покрасить их в черный или коричневый, в любой неприметный цвет, чтобы он не торчал, как больной палец. В белой рубашке он выглядит еще бледнее, как какое-то блуждающее привидение с пугающе дикими глазами.

Через час он выходит из душевой, убедившись, что все его тело очищено, продезинфицировано, а затем снова очищено. Он также мыл руки в общей сложности пять раз - он коснулся дверной ручки, вздрогнул, вымыл их один раз, затем случайно прикоснулся к крану, вымыл их дважды, коснулся ручки, вымыл их трижды... Остальное навязчиво.

Наконец-то он чувствует себя лучше. Лихорадку легче контролировать в бодрствующем состоянии, и он лучше понимает, где он находится (под землей, координаты пока неизвестны), что он намеревается делать (уйти), кого ему следует избегать (всех) и как он будет справляться с этим побегом, который проходит через третий аварийный выход по коридору налево, затем прямо. Он уже забрал свои вещи - немного, только разрезанное пальто, которое он носил раньше, и случайную сумку, которую он схватил.

Он даже оставил душ включенным, чтобы замаскировать любой производимый им шум. Он легко встает на ноги и быстро обдумывает маршруты, которые ему следует выбрать. Он слышит болтовню из общей комнаты. Звон посуды из кладовой, минимум три человека разговаривают, один человек моет посуду.

У Ноя действительно острый слух, но что ж, он слышит только то, что слышно, и это не включает в себя способность слышать человека, стоящего неподвижно, как статуя, прислонившегося к двери выхода с одной рукой в кармане. Мужчина замечает его присутствие и смотрит на часы, просто чтобы продемонстрировать это, его рукав рубашки намеренно застегнут наручниками.

«Привет, - улыбается ему Ян Жун, - а я думал, ты утонул в душе».

«... Полковник Ян», - отвечает Ной, закидывая украденный рюкзак себе за плечи, а также сунув обе руки в карманы, с таким же остроумием, «Идешь куда-то?»

"Нет, но кажется, что ты?" - отвечает другой, улыбка не исчезает с его губ.

«Абсолютно нет», - говорит Ной.

«Мог одурачить меня». Ян Жун выходит из положения и кивает ему следовать, согнув два пальца в предложении. «Маленький заключенный, давай поговорим за обедом».

«Я бы хотел отказаться», - отвечает он. Затем он улавливает таинственный блеск в глазах человека, тусклый оттенок которых граничит с опасностью, и он вздыхает в отчаянии, прекрасно понимая, что он будет побежден. «Но я полагаю, это не приглашение, не так ли?»

Ян Жун смягчает свой взгляд и свою ауру - это не так угнетающе и прямо тревожно. Однако довольный тон его голоса не менее контролирующей. "Хороший мальчик."

<http://bllate.org/book/14985/1325826>